

Майлз Франклин

*Моя карьера
терпит крах*

Санкт-Петербург

УДК 821(94)
ББК 84(8Авс)-44
Ф 83

Перевод с английского Елены Петровой

Серийное оформление и иллюстрация на обложке
Владимира Гусакова

© Е. С. Петрова, перевод, 2025
© З. А. Смоленская, примечания, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-31076-6

ВСЕМ МОЛОДЫМ АВСТРАЛИЙСКИМ ПИСАТЕЛЯМ

ПРИВЕТСТВУЮ!

Предпринимаемые в ранней юности усилия в области искусства естественным образом тяготеют к подражанию, но в местах, отдаленных от активной литературной деятельности, у юного писателя образцов для подражания просто нет. Я, например, только в двенадцать лет написала нечто такое, что привлекло внимание к моей персоне. А мысль о создании романов посетила меня, наверное, лет в тринадцать и расцвела по образу и подобию сентиментальных историй из приложений к «Гоулберн ивнинг пенни пост»¹. Эти тайком поглощаемые мною рассказы представляли мир, который зачаровывал формирующееся подростковое сознание. На первый план в них выступали живописные, увитые плющом замки с башнями и ухающими совами, населенные суровыми опекунами, неотразимыми обольстителями и еще более неотразимыми спасателями ангельски чистых дев. Обычно я читала вслух свои переложения тех

¹ «Гоулберн ивнинг пенни пост» — газета, которая издавалась в Новом Южном Уэльсе с 1870 по 1957 г. — *Здесь и далее примечания Э. Смоленской.*

рассказов двум-трем подружкам, и они до сих пор с удовольствием вспоминают это наше времяпровождение.

Один англичанин, которому были показаны те подражательные плоды напряженной умственной деятельности, направил мои мысли в сторону Австралии как естественного места действия для пробы пера. Эта мысль пустила ростки. Хм! Вознамерившись доказать, сколь смехотворна в качестве литературного материала была окружающая меня жизнь, я в глумливо-насмешливом настроении взялась за масштабный роман под ироничным заглавием «Моя блестящая (?) карьера». Помнится, я объявила, что для неистовой героини моих честолюбивых замыслов требуется яркое имя. После этого одна немолодая знакомая, которую за отзывчивость любили юные соседки, предложила два имени, данных ей при крещении: Пенелопа и Сибилла; по ее словам, имена пропадали даром, поскольку все называли ее просто Пенни. Этот подарок меня вдохновил.

Но НЕОПЫТНОСТЬ никоим образом не может добиться желаемого художественного эффекта. По причине удаленности от каких бы то ни было личностей, способных понять или направить мои литературные усилия, результат был предсказуем: из всей моей аудитории больше всех была ошарашена я сама. Буквальность, с которой была воспринята «Моя блестящая карьера», просто потрясла воображение!

Роман «Моя карьера терпит крах» должен был это исправить. Мы с отцом обсудили абсурдность

писем, приходивших на мое имя со всего Австралийского континента от девушек, которые сообщали, что я выразила их самые сокровенные чувства и мечты, и заверяли, что разделяют мой нелюбимый взгляд на мир (хотя я росла вполне общительной девочкой). У моего отца, равно как и у меня самой, не было ни знакомств в литературном мире, ни связей с людьми, имеющими хоть какое-то представление о подводных камнях авторства. Но зато у отца была мудрость.

— Ты только не испорти того, что уже сделано, — сказал он. — Понимаешь, ты создала выдуманную реальность — ее и придерживайся. У этих мятущихся девчонок могут возникнуть болезненные ощущения, если они почувствуют, что твой рассказ не имеет под собой основы. А кроме всего прочего, их много, а нас с тобой только двое.

Мне представлялось, что отец далеко не все понимает, а потому я не показала ему текст целиком. Теперь-то я знаю, что отец был духовным гением в обществе, где его собственная одаренность не нашла признания — ее ценили не больше, чем испанский гребень на лысой голове.

Суматоха, вызванная появлением в печати Сибиллы Пенелопы, меня настолько ошеломила, что я захлопнула книгу и до сих пор ее не открываю. Заставь я себя ее перечитать, мне, возможно, удалось бы состряпать эссе, чтобы развеять неоднозначные догадки из области психоанализа. Оно стало бы предисловием к моему первому опубликованному изданию, тогда как данный текст служит введением к его продолжению.

Первоисточник был положен в саквояж с рукописями и в итоге оставлен у некой дамы из Чикаго, США, перед моим отъездом на Мировую войну, которая, как видно сегодня, была всего лишь учебными маневрами в преддверии глобального Армагеддона. Когда я вернулась, хранительница сообщила, что мистеру Икс потребовалась дорожная сумка, а поскольку мой саквояж давно вышел из моды и не содержал ничего, кроме бесполезных бумаг, она решила, что мне было бы только в радость оказать услугу заезжему гостю. Мне внушили, что мистер Икс закинул все бумаги в печку, а потому я могу не опасаться, что они где-нибудь валяются. Я не сетовала, поскольку не меньше самой хранительницы была убеждена в ничтожности своих рукописей. И все-таки я сожалею об утрате рассказов и пьес, которые в свое время вызывали живой отклик, а теперь канули без следа. Я думала, что рукопись романа «Моя карьера терпит крах» пропала вместе с ними, но забыла об одном экземпляре, сохранившемся в старом чемодане, который все эти годы самоотверженно берегла моя мама.

Я с трепетом развернула тот сверток и к своему облегчению обнаружила, что текст довольно занятный, и это, как сказала бы Сибилла Пенелопа Мелвин, следует приписать исключительно моему себялюбию. В рукописи было посвящение — благодарность некоему лицу, обозначенному инициалами, но теперь я уже не припомню, кому именно и за что была так благодарна. Там же находилось и предисловие, написанное Питером Максуютом,

который «вел дневник и отдавал долги». Время отменило эту некогда актуальную иллюзию, и она была вырезана вместе с другим материалом. В остальном же я сохранила верность той девушке, которой когда-то была, и не озаботилась правкой — в лучшем случае она привела бы к замене одного комплекта погрешностей и штампов на другой, подобно тем, что во множестве встречаются даже в величайших английских романах.

Этот текст вернулся ко мне из прошлого с эффектом открытия. Хотя он представляет собой художественный вымысел, люди в нем до странности узнаваемы: их история со временем сбросила с себя все признаки, кроме реальности. Теперь это неоспоримый предмет старины, и в свете ОПЫТА следует понимать, что задумывался он в столь же малой степени автобиографическим, сколь и моя первая книга, — не больше и не меньше.

Лишь один-единственный человек, которому я в ту пору дала почитать рукопись, расценил этот второй портрет Сибиллы Пенелопы как «восхитительный»; вместе с тем он также счел его «слишком дерзким для обнародования», что нынче кажется весьма странным и указывает на чопорность нравов того времени. Сегодня этот роман целиком и полностью посвящается всем австралийским писателям, которые были молоды, которые молоды нынче и которые на протяжении грядущих десятилетий останутся такими же молодыми, какой была я, когда впервые безрассудно взялась за перо.

*Майлз Франклин,
Австралия*

История правдива, сколь возможно,
Но что такое правда, что есть ложь?
Как часто факт, описанный дотошно,
В чужих глазах ни с чем другим не схож —
У каждого из нас отличен от того,
Что тем, чужим, пригрезилось во мгле.
Но если люди будут мненья одного,
Зачем писатель нужен на земле?

Допустим, чтоб потешить вас рассказом,
Или в тайник его отправить на века,
Иль вам внушить, что все случится разом,
Иль подсказать решение, а пока
Сия история, друзья, взывает к вам:
«Хоть помни, хоть забудь, хоть укради сюжет
Без страха сплетен, осуждения и драм» —
И станет ясно, что конца ей нет как нет.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Пояснение

Какой-нибудь кенгуру-валлаби ничуть не хуже человека выдержал бы никчемность бытия, каким оно знакомо мне. Наверное, поэтому я и хочу рассказать два единственных веселых случая, которые приключились со мной в этой скучной, неинтересной жизни. Вы бы меня в упор не заметили, точнее, не заметили бы, держи я свое мнение при себе, но коль скоро я этого не сделала, мне придется вторично испытать неловкость, претендуя на ваше внимание. Как и для девяноста девяти процентов моих сограждан, для меня чрезвычайно привлекательна тема собственной персоны. Для этого есть вполне обоснованные причины.

Одно из интересных событий — мои перипетии с Генри Бошамом. Другое — мой опыт написания автобиографии в новом ключе. Такой отход от стандарта стал результатом моего перенасыщения общепринятым стилем. Сначала обращаюсь к автобиографии. Эти записки до некоторой степени и с определенными сокращениями выросли из моего дневника.

Я находилась на той стадии затишья перед бурей, когда мальчишки мечтают стать грабителями, машинистами паровоза или профессиональными боксерами с чемпионским титулом. Девочек не привлекают столь тривиальные и показательные мечтания. Я стремилась к тому, чтобы превратить весь мир в прекрасное место, где нет больных и голодающих младенцев, где людям преклонных лет не грозит нужда, где все животные сыты и довольны и даже наши младшие сестры, эти цветочки, не могут быть смяты или сорваны против их воли. Перспектива осесть на кухне, чтобы в окружении кастрюль играть роль смиренной курицы и при этом почитать мужчин существами высшего порядка просто в силу случайной их принадлежности к этому полу, была мне отвратительна.

Моя жизнь в средней школе поселка Стринджибарк-Хилл, среди мальчиков и девочек до наступления переходного возраста, который всюду сеет сумятицу, служит наглядным примером демократии. Богачей в пределах доступной конкуренции не было, деньги не имели большого значения, а внешние данные и происхождение вообще не принимались в расчет. Мы слыхом не слыхивали о таких материях. Среди одноклассников имели вес только такие достоинства, как мозги и честность, а также достижения на спортивной площадке вкупе с игрой по правилам.

Любые задания на уроках, кроме длинных арифметических примеров на сложение, были мне в радость и выполнялись с легкостью. На спорт-

площадке я, хоть и не вышла ростом, до двенадцати лет была самой быстроногой и необычайно ловкой, а прыгучестью не уступала мальчишкам-ровесникам, и меня всегда выбирали капитаном команды — будь то крикет, лапта или «захват пленников». Как правило, отстающие ученики лучше всех управляются с битой или с мячом, а физкультурники по мере взросления добиваются куда большей славы, чем какие-нибудь зубрилы, но в моем статусе поддерживалось равновесие.

Мне не терпелось окончить школу, чтобы ухватиться за жизнь в большом городе; я не могла понять, почему люди цепляются за какое-нибудь захолустье, где события кипят примерно как в стойле у дойных коров, тогда как в других местах вселенная бурлит приключениями.

Я ожидала, что продолжу радоваться дружбе и привязанности тех, кто рядом, работая на достижение и поднимаясь к высотам во всех делах, которыми попробую заняться. Мне думалось, что предложений будет — хоть отбавляй. Я была уверена, что завоюю любовь и признание, поскольку никогда не мухлевала, не задирала нос и не жадничала.

Итак, в нашей маленькой школе с глинобитными стенами, что ютилась на выгоне среди высоких эвкалиптов под началом добросердечного учителя преклонных лет, наступил последний день. По такому случаю Старый Харрис, как старшеклассники называли его за глаза, приложился к бутылке, но был прощен незлобивыми поселенцами, потому как знал и любил каждого ученика.

Он мог извлечь все, что только представлялось возможным, из самых тупых черепов, а на мои выходы смотрел сквозь пальцы и нахваливал меня за успехи. Образование он получил в одном из престижных колледжей Англии. Не знаю, в каком именно, поскольку он никогда не упоминал его названия в нашем простецком кругу. Поговаривали, что у него в роду есть какие-то большие шишки, но об этом он тоже не распространялся, разве что в тех случаях, если был слегка навеселе или если какой-нибудь выскочка начинал заноситься в его присутствии. У Старого Харриса были ангельские манеры и чудесное доброе лицо; он бы и кузнечика не обидел. Благодаря этим качествам за него вступались даже отпетые грубияны и драчуны. За жалованье менее трех фунтов в неделю он закладывал основы знаний в умы немногочисленных школяров, а сам снимал жилье и столовался у трудолюбивой, честной и доброй семьи, которая не могла предложить ему ни духовной близости, ни сопоставимых знаний.

За то, что он застрял в глуши, мама обвиняла его в безалаберности, а отец, бывало, потрет макушку (свою собственную) и заметит:

— В возрасте Старого Харриса жизнь сводится к удобной лежанке и хорошей кормежке, а этим он не обижен.

Перед нашим с ним расставанием он потрепал меня по плечу — необычная вольность для его застенчивой натуры. Похоже, в нем не было ни тени самомнения — ну, разве что под хмельком. Оно, видимо, ушло куда-то внутрь, как выросший ноготь

на ноге. Старый Харрис произнес у меня над головой небольшое напутствие — из тех, что воспринимаются юными как околесица, но всплывают в ярких воспоминаниях, когда наступает нужный возраст. Сейчас, на двадцатом году жизни, когда я порой сама несу околесицу, это напутствие ко мне вернулось. Вот оно:

— Сибилла, ты хорошая девочка, чистая и правдивая, а вдобавок даровитая. Ты задорна, словно львенок, но боюсь, как бы противодействующие силы не разбили тебе сердце. Нынче ты жизнерадостная девчушка, но увы, с твоими способностями и темпераментом тебе потребуются особые условия для счастья. Мозг у тебя работает быстрее, чем у кого-либо из учеников, которых я выпестовал, но он тебе не поможет, если ты им не воспользуешься, дабы сокрыть его наличие и подчеркнуть свою красоту; а красоты у тебя более чем достаточно, чтобы добиться того, что устроило бы большинство представительниц твоего пола, но никогда не устроит тебя, так что я мог бы вообще об этом не заговаривать. В любом случае, да сопутствует тебе удача. Без тебя в нашей старой школе будет тускло и скучно.

Не иначе как слегка перебрал, подумалось мне, но теперь, по прошествии шести лет, когда его уже нет в живых, я понимаю, что его житейский опыт был богаче моего.

Мне было разрешено уйти раньше времени, а он смотрел мне вслед, пока я шла по извилистой дорожке между молодыми деревцами, которые помогала сажать в один из минувших Дней древо-

насаждений¹. Сердечная привязанность — это жутко обязывающая штука. Она всегда меня удерживала от разрыва связующих нитей, а потому через каждые несколько шагов я оборачивалась, чтобы помахать старику со смутным сожалением, что он теперь — прочитанная глава, которую не возьмешь с собой в манящий юный мир, куда лежал мой путь.

Я выбрала короткую дорогу в две мили ради преодоления препятствий в виде поваленных деревьев; через каждую пару ярдов я подпрыгивала, чтобы сорвать листок эвкалипта, отбрасывающего кружевные тени (эти листочки я любила жевать). Небо было синим, как незаменимый при стирке белья марлевый мешочек со спрессованной синькой, а похожие на горы белые облака, скопившиеся на западе, поражали своим великолепием. Какой же они сулили закат! Упиваясь каждым попадавшимся мне на пути лоскутком красоты, я с волнением рисовала себе прекрасные виды и приключения, ожидающие меня за неровным горизонтом, вид на который открывался с высокого забора. Самым большим и волнующим чудом в пределах видимости была дорога, что вела от переднего загона в Гоулберн, а затем дальше и дальше — в Сидней, первый порт захода в моем путешествии к завоеваниям. Прежде чем войти в дом, я залезла на забор со стороны сада, чтобы охватить взглядом эту местность и оставить позади школьные годы.

¹ *День древонасаждений* — своеобразный весенний праздник.

— Что ты туда лазаешь, как мальчишка? — возмутилась мама. — Тебе пора вести себя иначе. Счастливые дни остались в прошлом: сплошные игрища, ни забот, ни хлопот. Теперь ты поймешь, что жизнь — это нечто другое.

ЖИЗНЬ действительно была кое-чем другим (кто бы сомневался!) — словно голубой океан приключений, который настойчиво звал меня подняться на борт.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Замкнутый круг

Но как добраться до океана? Я находилась на берегу маленького, затянутого тиной водоема, который редко вырастал в поток и таил немало препон. После окончания школы они стали разрастаться подобно ярости.

Я приобщилась к нелегкой жизни мелких, лишенных деловой хватки фермеров. При этом главной обузой для женщин было непрерывное вынашивание детей, а я теперь, напоминала мне мама, не кто-нибудь, а женщина; от этих назиданий во мне закипал бунт. Мама говорила, что я всегда показывала себя своевольным и упрямым чертенком и что муки моего воспитания зачастую повергали ее в такое смятение, от которого у нее не раз чесались руки свернуть мне шею, даром что я была ее первым и на тот момент последним и единственным ребенком. Поначалу, говорила мама, большинство девушек готовы взбунтоваться, но скоро угомоняются. Все девушки сожалеют, что не родились мужчинами.

От таких оскорблений я взвивалась, подобно смерчу. Никогда в жизни у меня не возникало же-

лания быть мужчиной. От одной этой мысли меня переполняло отвращение. А больше всего я неистовствовала из-за искусственных ограничений.

Девочки! Я обращаюсь не к тем слабовольным, тошнотворным, ползучим существам, которые, видимо, готовы вписаться в любую старую колею, и не к скользким, якобы женственным лицемеркам, а к тем, в ком есть сила духа и дерзость. Вы помните, что нам пришлось усвоить, девочки: о чем невозможно писать открытым текстом, иначе правда подвергнется осуждению за непристойность; иные подробности слишком деликатны, чтобы их можно было высказать даже близким, хотя они и оказывают на нас сильное влияние. Помните эту мертвую влажную тоску, которая накрыла нас после того, как мы узнали, что все вечное женское — это увечное женское! Но мама всегда говорила: «Привыкай. Бессмысленно вести себя так, будто в тебя вселился дьявол».

Мужчина может привыкнуть к тому, что у него ампутированы ноги, а у женщин порог выносливости еще выше. Если посмотреть на условия, в которых они живут, и работают, и одеваются, и продолжают род человеческий, то начинаешь удивляться, почему они не вымерли одновременно с бескрылой гагаркой — и как жаль, что не вымерли!

Девочки! Вы помните, как нам были отвратительны смиренные, в меру сексуальные образцы, напроць лишенные беспшабашной честности, незапятнанных идеалов жизни и любви? Мы шумно требовали, чтобы наши достоинства оценила сама ЖИЗНЬ: нам хотелось играть в нее так, как

мы привыкли с детства, когда при малейшем подозрении на близкий провал мы принимали решение не сражаться дальше и без нытья опускали биты на землю.

Первым подлым ударом стало открытие, что за нами не числилось сугубо ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ достоинств. Нашим главным козырем должна была сделаться сексуальная привлекательность, именуемая ЖЕНСТВЕННОСТЬЮ. Если ты не пускала ее в ход, то оказывалась беззащитной, а то и проклятой. Как же мы презирали тех плутовок, которых ничуть не тревожила упомянутая роль! В школе их оценивали по достижениям, и оценки у них редко поднимались выше, чем УДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНО. А после школы в нашей гендерной иерархии угодничество сулило им беспроигрышный успех. Либо становись в строй, либо плетись одна в хвосте.

Девочки, как же вы это приняли?

Между мною и мамой разыгралась, можно сказать, буря. В конце концов мама бросила:

— Довольно, я здесь ни при чем. На все воля Божия.

Возможность списать свое негодование на Бога принесла некоторое облегчение, но пытка заключалась в том, что до Него было не достучаться. Я сцепилась со своей двоюродной тетушкой Джейн, которая твердила: «Господь, кого любит, того наказывает»¹. Такой метод спасения мира

¹ Ср.: «Ибо Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает» (Евр. 12: 6).

Франклин М.

Ф 83 Моя карьера терпит крах : роман / Майлз Франклин ; пер. с англ. Е. Петровой. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 320 с. — (Настроение читать).

ISBN 978-5-389-31076-6

Майлз Франклин (1879–1954) — известная писательница, классик австралийской литературы — опубликовала свою первую книгу в двадцать лет. Автобиографический роман «Моя блестящая карьера» произвел настоящий фурор в обществе, однако вместе с успехом девушка испытала всеобщее осуждение. В своей книге она была слишком откровенна и не стеснялась в выражениях, описывая быт провинциальной Австралии. В замешательстве и праведном гневе Майлз Франклин написала продолжение, которое, в силу обстоятельств, увидело свет лишь спустя 45 лет после публикации первого романа.

Героиня книги «Моя карьера терпит крах» — все та же гордая и непримиримая Сибилла Пенелопа Мелвин — публикует роман о своей жизни, после чего на нее обрушиваются всевозможные упреки от семьи и соседей, а также многочисленные предложения руки и сердца (причем возраст претендентов варьируется от 18 до 70 лет). Более того, на горизонте объявляется сам Гарольд Бичем — главный герой книги, которую написала Сибилла! В отчаянии девушка спасается бегством в Сидней, чтобы найти понимание и поддержку у величайших литераторов Австралии. Однако и в большом городе ее «блестящая карьера» в очередной раз терпит крах...

Впервые на русском!

УДК 821(94)

ББК 84(8Авс)-44

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

МАЙЛЗ ФРАНКЛИН

Моя карьера тернит крах

Ответственный редактор Кирилл Красник

Редактор Зинаида Смоленская

Художественный редактор Владимир Гусаков

Технический редактор Мария Антипова

Компьютерная верстка Алины Леонтьевой

Корректоры Нина Писковитина, Татьяна Бородулина

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 31.10.2025.

Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная.

Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 14,1. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

A-NAM-48295-01-R